Сергей ГИРЧЕНКО

ПИКОВЫЙ ТУЗ

Историческая драматическая хроника в двух действиях с эпилогом

+7 (919) 955-56-77
serge.gir.sr@yandex.ru

2026

Действующие лица:

ПУШКИН Александр Сергеевич — 37 лет (в 1837 году), титулярный советник, высочайшим указом пожалованный в камер-юнкеры.

НИКОЛАЙ I — 40 лет (в 1837 году) / 30 лет (в 1826 году), император всероссийский.

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ Карл Васильевич — 56 лет, вице-канцлер, управляющий Министерством иностранных дел.

ГРАФИНЯ НЕССЕЛЬРОДЕ Мария Дмитриевна — 50 лет, его супруга, статс-дама, хозяйка столичного салона.

БЕНКЕНДОРФ Александр Христофорович — 55 лет (в 1837 году) / 45 лет (в 1826 году), генерал от кавалерии, граф (с 1832 года), шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения.

ДУБЕЛЬТ Леонтий Васильевич — 44 года, генерал-майор, начальник штаба Корпуса жандармов.

ПЕСТЕЛЬ Павел Иванович — 27 лет, подполковник пехотного полка (в 1821 году).

ПАСКЕВИЧ-Эриванский Иван Фёдорович — 47 лет, граф, генерал от инфантерии, командир Отдельного Кавказского корпуса (в 1829 году).

РАЛЛИ Константин Иванович — бессарабский помещик (в 1821 году).

ГЕККЕРН Луи ван — 44 года, барон, чрезвычайный посланник и полномочный министр короля Нидерландов.

ДАНТЕС Жорж Шарль (барон де Геккерн) — 24 года, поручик Кавалергардского полка.

ДАНЗАС Константин Карлович — 35 лет, подполковник Инженерного корпуса, лицейский товарищ Пушкина.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА Пушкина — 24 года, супруга поэта.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА Гончарова — 28 лет, её сестра, фрейлина.
ЗЕМФИРА — молодая бессарабская цыганка (в 1821 году).

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ — офицер (в 1826 году).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. КОРНИ И МИЛОСТЬ (1821–1829)

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кишинёв. Трактир «Красная мельница» возле дома купца Кацики.

Май 1821 года. Ночь. У конторки подполковник Пестель в армейском пехотном сюртуке, опираясь на трость.

На ломберном столике — колода карт, циркуль вольных каменщиков.

Дверь распахивается от удара ноги. Входит Пушкин — без сюртука, в промокшей насквозь батистовой рубахе, в руке бутылка рома.

ПУШКИН *(с порога, напевая, перекрывая шум ливня)*.

Да здравствуют нежные девы!

И юные жёны, любившие нас!

(Отряхивается, разбрызгивая воду; шагает к столу.)

Ну и потоп на Инзовой горе!

Хлещет по черепице так, будто небо прохудилось.

А воздух… слышите, Павел Иванович? Воздух-то!

Духота, свечи коптят, а с порога сразу грозой шибает.

Рубаха на плечах хлюпает, хоть выжимай.

Павел Иванович, не обессудьте, проигрывать молдавскому конюху, конечно, унизительно. Но приносить с собой настоящий ямайский ром — благородно.

ПЕСТЕЛЬ *(с улыбкой)*.

С конюхами в штосс, Александр Сергеевич?

Под проливным дождём?

ПУШКИН.

А с кем прикажете? С греческими негоциантами скучно — они за каждый грош крест целуют. А у конюха рука лёгкая: снял с меня последние карманные часы и сюртук в придачу.

Зато ром с ямайского брига.

(Сбивает сургуч рукоятью трости, со стуком ставит бутылку на сукно.)

В подвале ложи «Овидий» ваши братья от первого же раската грома по углам попрятались.

Три часа взрослые штабные полковники ходили с платками на глазах, лбами о дубовые косяки стучались и клялись на костях бедного Адама.

Они смешны и трогательны, как малые дети.

Сыграйте талию, Павел Иванович. Это разгоняет кровь лучше мистических градусов.

(Тасует колоду с сухим щелчком.)

Туз направо, девятка налево. Вскрывайте.

Или устав благоденствия запрещает брать взятки с банкомёта?

ПЕСТЕЛЬ *(накрывает ладонью карты)*.

Дети?..

В Испании такие «дети» год назад полки на Мадрид двинули.

ПУШКИН.

Вы про подполковника Риего?

ПЕСТЕЛЬ.

Именно про Рафаэля Риего.

Он не на черепах клялся, Александр Сергеевич.

Он поднял экспедиционную армию в Кадисе. Ложи за три недели связали офицеров в единый кулак.

(Подаётся к Пушкину.)

Испанские братья не в мистику играли — они вывели батальоны на городские площади, зажали короля Фердинанда в угол и заставили под штыками подписать конституцию!

В Неаполе генерал Пепе сделал то же самое. И ведь получилось!

(Откидывается, но тут же снова наклоняется к Пушкину.)

Масонство — это ширма, мой друг.
Для дураков и салонных болтунов — это циркуль, ленты да пустые степени.
А для людей дела — готовая боевая машина.
Дисциплина, конспирация, пароли от полка к полку.

(Пестель понижает голос.)

В Европе через эти братства ломают троны и ставят королей на колени.

(Глухо рокочет весенний гром.)

Оставьте карты.

(Собирает со стола карты в колоду, кладёт на стол.)

Я под Лейпцигом в тринадцатом году роту вёл по колено в раскисшей глине. Сухарей три дня не подвозили. Солдат немолотое зерно в котелках варил, а шёл вперёд без ропота.

(Сдвигает полколоды и верхнюю часть кладёт вниз.)

Мы в Париж вошли первыми. Я видел, как живёт французский или саксонский мужик.

Там крестьянин глядит королю в глаза прямо, без холопьего страха.

Там закон равен для всех.

А мы вернулись — и что встретили?

(Бросает колоду веером на стол.)

Тех самых гренадер, что брали Париж, граф Аракчеев сечёт шпицрутенами в чугуевских поселениях!

Дворяне проигрывают в карты целые деревни!

Людей меняют на щенков!

Страна стонет!

ПУШКИН *(в глазах его вспыхивает резкий, насмешливый огонь; бросает на ходу, чеканя каждый слог)*.

Владыки! Вам венец и трон
Даёт Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон!

Павел Иванович! Я сам вижу это каждый Божий день.

На почтовых станциях, в Петербурге, в бессарабской грязи.

Я ненавижу рабство сильнее всех ваших штабных канцелярий.

ПЕСТЕЛЬ.

Тогда отчего вы не с нами?!

Вы прячетесь за карты, мой друг. Волочитесь за цыганками, стреляетесь из-за вишнёвых косточек.

Вашу оду переписывают юнкера в палатках Второй армии.

Её читают у огарков свечей!

Вы дали нам язык.

Так встаньте в строй.

ПУШКИН *(вскакивает; рука вздрагивает — стакан падает и со звоном бьётся о каменный пол)*.

В строй?!

Под вашу команду, Павел Иванович?

Под ваш аршин?

Я читал наброски вашей «Русской правды».

Вы хотите стереть сословия, согнать губернии под шнур, поставить надсмотрщиков в каждом уезде.

Вы ненавидите тиранию — и строите казарму от моря до моря!

ПЕСТЕЛЬ.

А как иначе?

Вы мечтаете о дворянских вольностях, Александр Сергеевич. А мужик поднимет топор.

И если мы не возьмём власть разом — вспыхнет пугачёвщина. Мужик спалит и ваши книги, и наши полки.

Власть надо брать силой.

(Наклоняясь через стол, негромко).

Фамилию Романовых надлежит истребить. Всю.

ПУШКИН *(отступает, жадно пьёт ром из горлышка)*.

Женщин?.. Детей?!

ПЕСТЕЛЬ.

Всех. Иначе останется знамя для смуты.

А затем — диктатура.

Временное верховное правление на десять лет.

Железный порядок, пока закон не окрепнет.

ПУШКИН.

Это палачество.

Вы хотите утвердить закон на злодействе?!

ПЕСТЕЛЬ.

За свободу платят кровью.

ПУШКИН.

Чужой кровью легко платить.

Раз пролив кровь безвинных, вы топора уже не бросите.

Вы начнёте с царя, а кончите тем, что станете вешать собственных товарищей за лишнее слово!

ПЕСТЕЛЬ.

Я готов положить на плаху собственную голову.

Моя жизнь мне не принадлежит. Если ради освобождения двадцати миллионов душ нужно казнить венценосцев и погибнуть самому — я не задумываюсь.

А вы… вы страшитесь грязи, поэт.

Вы хотите свободы, не испачкав рук.

ПУШКИН.

Не грязи — бесчестья боюсь.

Закон над царями — да.

Но нож в спальнях… Нет, Павел Иванович.

В эту дверь я не пойду.

Бросает колоду карт на стол.

ПЕСТЕЛЬ.

Вы останетесь один, Александр Сергеевич.

ПУШКИН.

Пусть один. Но не с кровью на руках.

(Берёт со стола трость, идёт к выходу. У самых дверей останавливается, не оборачиваясь.)

Павел Иванович…

(За окном глухо катится гром.)

Бог вам судья.
А я не с вами.

(Толкает дверь плечом и уходит в темноту, под дождь.)

ПЕСТЕЛЬ *(один; медленно переворачивает верхнюю карту на сукне)*.
Пиковый туз. Чёрный знак.

(Сминает карту в кулаке и опускает в карман мундира.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Долна. Усадьба Ралли. Август 1821 года. Терраса господского дома. Ралли перелистывает книгу, Пушкин сидит на перилах.

РАЛЛИ *(наполняет бокалы густым вином)*.
Бросьте вы эту колодезную воду, Александр Сергеевич, она илом отдаёт.
Вдохните лучше: спелые персики на столе лежат, на солнце разомлели.
Смотрите, как пчёлы кружат.

(Подаёт ему персик.)

Прислушайтесь! Из сада дойну тянут — протяжно так, будто само лето плачет.

(Наливает в стакан чёрное вино.)

Оцените наше Пуркарское — степенное вино, суеты не терпит.
Хай норок, Александру, ши сэнэтате!
За добрый мир в этом доме.

ПУШКИН.
Благодарствуйте, Константин Иванович.
Благородное вино. Густое, тёплое.
После него и Петербург с его промозглыми туманами кажется дурным сном.

РАЛЛИ.
У покойного батюшки здесь служил немец с Рейна.
Высадил лозу на косогоре.
Каждый куст подвязал бечёвкой по линейке, поливал по часам.
Знаете, чем кончилось?

ПУШКИН.
Засохла? Не прижилась?

РАЛЛИ.

До корня.

Наше солнце немецких правил не признаёт.

А вот местная лоза — Рара Нягра — вросла корнями сама.

Без присмотра.

И наливает тяжёлое, тёмное вино.

(*Поднимает стакан, демонстрируя цвет вина.)*

ПУШКИН.

Пестелю бы это рассказать.

Он всё мечтает натянуть бечёвку от Петербурга до Чёрного моря и выстроить сорок губерний под шнур.

РАЛЛИ.

Оставьте тяжёлые мысли.

Завтра чуть свет еду в Юрчены. Проведать лес.

Вы со мной?

ПУШКИН.

Непременно с вами.

Вздохнуть наконец лесной воздух Кодр. Забыть казарму.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Кодры близ Юрчен. Рассвет. Войлочные шатры среди дубрав. Земфира в медном монисте трёт котелок речным песком. Подходят Ралли и Пушкин.

РАЛЛИ.

Свежо в дубравах на рассвете, туман по траве стланью стелется.

(Останавливается, придерживает Пушкина за руку.)

А слышите, Александр Сергеевич? Дым от кизяка горький, и печёной кукурузой пахнет.

(Глубоко втягивает воздух.)

Бунэ диминяца, Земфира. Не вижу моша Раду.

ЗЕМФИРА.

Бунэ диминяца, кукоане Константин.

Моша Раду силы оставляют. Спит он в шатре.

А ты рано приехал. Подати отданы ещё в Петров день.

Ни овцы, ни гроша в таборе нет.

РАЛЛИ.

Я не за податью.

Гостя привёз. Из Петербурга. Поглядеть, как люди без чинов и мундиров живут.

ЗЕМФИРА *(встаёт, разглядывает Пушкина)*.

Смуглый. Дай серебро. Погадаю.

ПУШКИН *(кладёт монету ей на ладонь)*.

Что будет — знаю сам.

Скажи: вольно тебе здесь?

ЗЕМФИРА.

Вольно.

Куда конь ступит — там и дом.

Захочу — здесь останусь, захочу — за Днестр уйду.

ПУШКИН.

А муж?

ЗЕМФИРА *(коротко взглянув на шатёр)*.

Василько в шатре спит.

На возу нож точил до полуночи.

Злой ходит. Увидит с чужим — горло перехватит.

У нас коротко.

РАЛЛИ *(берёт Пушкина за рукав)*.

Александр Сергеевич, пойдёмте.

ЗЕМФИРА.

Какая есть воля, боярин.

Иной не знаем.

Василько проснётся — сердиться станет. Идите.

Пушкин долго смотрит на Земфиру, затем на полог шатра. Молча уходит с Ралли по лесной дороге.

РАЛЛИ *(негромко)*.

Вот вам и воля без чинов и мундиров, Александр Сергеевич.

ПУШКИН *(оглянувшись на дым костра)*.

Спит у воза с наточенным ножом… А она думает — вольная.

Всюду страсти роковые, Константин Иванович.

Едемте в Долну.

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Михайловское. Сентябрь 1826 года. Глухая ночь. Комната в господском доме.

На столе — свежий лист казённых «Санкт-Петербургских ведомостей» в чёрной траурной рамке. Пушкин в холщовой рубахе выводит на полях виселицы.

ПУШКИН *(вслух, в темноту)*.

Ночь-то какая… Сверчок за печью трещит, от огарка сальным чадом несёт, а по полу холод тянет, из щелей сквозит.

(Смотрит в газету.)

Пятеро… Рылеев… Муравьёв… Бестужев… Каховский…

(Перо скрипит, выводя петлю.)

Пестель… «Бог вам судья. А я не с вами». Разошлись пути. Верёвка.

Стук сапог в сенях. Дверь распахивается.

На пороге Фельдъегерь с пистолетом у пояса.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ.

Коллежский секретарь Александр Пушкин?

Именным высочайшим повелением. Оружия и бумаг не брать. Тройка у крыльца.

ПУШКИН.

В крепость? В равелин?

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ.

В Москву. Его императорское величество Николай Павлович требует вас к себе сей же час.

Гнать на курьерских, днём и ночью.

Живее, сударь!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Москва. Кремль. Малый Николаевский дворец. 8 сентября 1826 года. Полдень. Кабинет.

Николай I в генеральском вицмундире.

В дверях — запылённый Пушкин.

За шторой неподвижно замер Бенкендорф.

НИКОЛАЙ.

Устали с дороги, Александр Сергеевич?

ПУШКИН.

Трое суток на колёсах, ваше величество.

Пыль трактовая на зубах скрипит, спина одеревенела.
Фельдъегерь загнал шесть троек, спать не давал.

НИКОЛАЙ.
Время такое. В государстве не должно быть сквозняков.
Я прочёл ваши тетради, которые полиция доставила из Пскова.
Слог острый. Яд в каждой третьей строфе.
За одни эти стихи вас следовало бы отправить прямо в Тобольск.

ПУШКИН.
Моя участь в руках вашего величества.

НИКОЛАЙ.
Скажите, Александр Сергеевич, без придворного виляния.
Если бы четырнадцатого декабря вы были в Петербурге — где бы вы находились?

ПУШКИН.
В рядах мятежников, государь.
На Сенатской площади.

Николай пристально смотрит на него. Бровь государя едва вздрагивает.

НИКОЛАЙ.
Вы смеете говорить это мне в лицо?

ПУШКИН.
Я не привык лгать.
Все мои лицейские друзья, весь мой круг был там.
Негоже прятаться в канаву, когда товарищей метут картечью.

НИКОЛАЙ *(после паузы, усмехаясь одними губами)*.
Дерзок… Но хоть не подлец.
Мои генералы утром целовали крест, а к ночи прятали под мундиром масонские ленты.

(Медленно подходит к конторке, кончиками пальцев касается лежащей там серой папки. Не открывает её.)

Только полноте играть в заговорщика, Александр Сергеевич.
Перед кем вы рисуетесь?
Я читал показания Пестеля. Все до единого листа.
Дождливая ночь на юге. Вы пили с ним ямайский ром… и ушли в ливень, даже сюртука не надев.

(Смотрит в упор.)

Что же вас остановило? Страх?

ПУШКИН *(вскидывает голову)*.

Совесть, государь.

Пестель готовил топор. Для всех — до последнего младенца в колыбели.

Мне в его казарме места не нашлось.

НИКОЛАЙ.

Значит, вы защищали порядок ещё тогда, когда я сам не знал о своём троне?

ПУШКИН.

Я защищал свою честь, государь.

Цареубийство — не мой путь.

НИКОЛАЙ *(долго смотрит на него, затем подходит к окну)*.

Пестель был опасный изувер.

На эшафоте стоял — бровью не повёл.

Но кто встанет поперёк государства — того перемелет колесо.

А вы… в вас есть порода, Александр Сергеевич. Вы довольно шалили. Ссылка ваша окончена. Вы возвращаетесь в Москву и Петербург.

Я возвращаю вам свободу.

ПУШКИН.

А цензура, ваше величество? Цензоры ведь в каждой моей запятой ищут заговор.

НИКОЛАЙ.

Для вас комитетов не будет.

Отныне я сам — ваш единственный цензор.

Всё, что напишете, присылайте мне — через генерала Бенкендорфа.

(Подходит к конторке, берёт пачку ассигнаций.)

И ещё. Мне докладывали, что дела ваши расстроены, имение заложено, в картах не везёт.

Не пристало первому поэту России зависеть от ростовщиков.

Возьмите на первое время из сумм моего кабинета. Я открою вам государственные архивы — напишете мне историю Петра Великого. Покажете народу, как созидалась империя.

ПУШКИН *(медлит, глядя на деньги)*.

Государь… Я не просил жалованья.

Под какое обязательство я принимаю сию милость?

НИКОЛАЙ.

Это не милость, а служба Отечеству.

Вы даёте мне слово дворянина, что с прошлым покончено.

А я верю вашему слову.

Но помните, Пушкин: кому государь даёт руку — того он из виду уже не выпускает.

Ступайте с миром.

Пушкин молча склоняет голову и выходит. Из-за портьеры выступает генерал Бенкендорф.

НИКОЛАЙ *(глядя на закрывшуюся дверь, вполголоса)*.

Каков умница… Однако глаз с него не спускать, Александр Христофорович.

Берегите его.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Тифлис. Гора Мтацминда. Июль 1829 года. Предвечерний час. Обрыв у монастыря Святого Давида.

У свежей базальтовой плиты — генерал от инфантерии граф Паскевич-Эриванский и Пушкин в дорожном запылённом платье без шляпы.

ПАСКЕВИЧ.

Ветер здесь снизу с Куры сухой, полынью раскалённой тянет да пылью глаза ест.

Сюда, значит, прямиком?

Даже в комендатуру с дороги не заехали.

ПУШКИН.

К нему сначала, Иван Фёдорович. Долг отдать.

ПАСКЕВИЧ.

Похоронили достойно. Место Нино сама выбирала…

(Помолчав, глухо.)

Шестнадцать лет княжне. Вдова.

Александр мне не чужой был. Жене моей, Елизавете Алексеевне, он приходился двоюродным братом.

Родная кровь. Мы с ним всю персидскую кампанию бок о бок прошли — от Эривани до Туркманчая. Я на его ум как на каменную стену опирался.

Когда он Нино под венец повёл, мы с женой нарадоваться не могли. Князь Чавчавадзе дочь отдавал, стихи писал. Александр с Нино счастливы были… Смех, глаза светились.

И в один день всё прахом.

Нино, как весть пришла, раньше срока разрешилась. Младенец и дня не прожил. Сразу два гроба…

Чёрного платья не снимает. Никого к себе не пускает. Велела на камне написать: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!»

Глядеть на неё тяжело. Молчит — а в глазах пустота.

И Александр Гарсеванович сразу почернел, состарился. Зятя оплакал, внука схоронил…

(После долгой паузы.)

Под самый корень семью срезало.

ПУШКИН.

Как везли тело?

ПАСКЕВИЧ.

Со всеми почестями.

От самого Тегерана — пятьдесят шахских конников.

С пиками, в праздничном строю, со знамёнами шахской гвардии.

А за Араксом встречали уже наши. Из армянских селений и городов выходил народ — те самые люди, что помнили и Эчмиадзин, и Ошакан.

Встречали как родного: с крестными ходами, колокольным звоном, молебнами.

У переправы гроб принял генерал Станислав Мерлини со своим батальоном — в строю много армян было.

Штыки в трауре, барабанный бой глухой, как удары сердца.

В Нахичевани навстречу вышло всё духовенство во главе с архиереем Парсегом — отслужили панихиду прямо при народе, на улицах яблоку негде было упасть, женщины навзрыд плакали…

На каждой стоянке пушки салютовали. Государь лично утвердил церемониал.

ПУШКИН.

Грибоедов не терпел парадов.

ПАСКЕВИЧ.

Парады нужны не мёртвому.

Они нужны Петербургу.

Принц Хосрев-Мирза ползал в Зимнем дворце перед троном, вымаливал прощение. Привёз дары, кашемиры и ларец с алмазом «Шах» в восемьдесят восемь карат чистой воды.

Государь простил Персии четыре миллиона рублей контрибуции и объявил высочайшим манифестом: «Предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие».

(Отворачивает лицо от порыва ветра, поднявшего пыль.)

ПУШКИН.

Вечному забвению…

Человека растерзали в куски! Девочку шестнадцати лет вдовой оставили!

А в Петербурге довольны: персидский камень в казну приняли, долг простили — и подвели черту!

ПАСКЕВИЧ *(глухо, глядя в долину)*.

Не в одном Петербурге, Александр Сергеевич. Здесь, на Кавказе, эту черту подводили.

(Поворачивается к Пушкину.)

Думаете, мне легко было?

Александр Сергеевич трактат этот своей рукой писал. А в Тегеране при нём — тридцать семь человек русской миссии. И все остались с ним. Никто не бросил.

(Помолчав.)

Когда их растерзали, я даже полка за Аракс двинуть не мог. На турецком фронте батальоны от лихорадки таяли. За спиной — война на пол-Азии. Мне нужен был мир. Тишина за спиной.

Вот Нессельроде этот мир и купил. Камнем, золотом… кровью близкого мне человека.

Похоронили с пушечным салютом. Чтобы в Европе всё выглядело благопристойно.

(Смотрит на Пушкина.)

Государственная польза, Александр Сергеевич.

Канцелярия живого человека всегда разменяет, если бумага велит.

ПУШКИН.

И вы молчите, Иван Фёдорович?

ПАСКЕВИЧ.

Моё дело — воевать, Александр Сергеевич.

А молчать и кланяться придётся вам, когда вернётесь в столицу.

Только не суйтесь в их министерские счёты.

Пишите стихи.

В петербургских канцеляриях сквозняки гибельные — и генерала свалит, и поэта не пощадит.

Пойдёмте вниз, конвой ждёт.

(Паскевич спускается по тропе. Конвой уезжает. Пушкин опускается на одно колено перед базальтовой плитой.)

ПУШКИН.

Пятьдесят конников… Батальон Мерлини… Пушечный гром…

Откупились парадом.

Думают, засыпали землёй под барабаны — и предали забвению за персидский камень?

Не выйдет, господа.

В моей строке не будет ваших пушек. Никаких генералов. Никаких салютов.

(Смахивает слезу.)

Будет крутая каменистая дорога в горах. Простая арба. Два вола, понурив головы, тянут повозку над обрывом.

И несколько грузин идут рядом — молча, бережно, устало.

Как ученики за Учителем. Как Иосиф Аримафейский со креста до гробницы.

— Откуда вы?

— Из Тегерана.

— Что везёте?

— Грибоеда.

Вот так ты вернёшься домой, друг мой.
По горной тропе — в вечность.
И никакой вице-канцлер не вычеркнет тебя из памяти русской.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. ПАУТИНА И ВЫСТРЕЛ (1834–1837)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Аничков дворец. Январь 1834 года. Фойе перед бальной залой. За двойными дверями гремит полонез.

Пушкин у высокого зеркала в узком мундире камер-юнкера.

Входит император Николай I.

НИКОЛАЙ.

Александр Сергеевич. Отчего не в зале?
Наталья Николаевна — истинное украшение бала.
Весь дипломатический корпус любуется её контрдансом.
А вам к лицу камер-юнкерский мундир.
Даже молодит.

ПУШКИН *(сухо кланяется).*

Благодарю, ваше величество.
В этих залах дышать трудно от пудры да духов.
А мундир… Воротник в горло въелся, плечи стянуло, сукно трещит.
Ваше величество…
Мне тридцать пятый год.
Этот чин дают юношам при выпуске из Пажеского корпуса.

НИКОЛАЙ *(разглядывая мундир).*

Этот чин даёт вам право бывать при дворе.
Вы просили открыть архивы Петра Великого?
Я открыл.
Вы просили избавить от цензурного комитета?
Я стал вашим личным цензором.
Но двор желает видеть у себя первую красавицу Москвы.
Без чина вход вашей супруге на Аничковские балы был бы закрыт.
Примите сие как монаршую милость.

ПУШКИН.

Моя жена — дворянка, ваше величество.
Её предки служили России без шутовских петлиц.

НИКОЛАЙ.

Оставьте гордость, Александр Сергеевич.

При дворе есть служебный устав.

Танцуйте.

Наталья Николаевна ждёт вас.

Николай уходит в залу.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Салон графини Нессельроде. Октябрь 1836 года. Вечер. Особняк на Английской набережной.

За столом графиня пьёт чай. На сукне — свежий номер «Современника».

Барон Геккерн и поручик Дантес играют в штосс.

Граф Нессельроде у конторки просматривает депеши.

ГРАФИНЯ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Положите дров в камин, Жорж. С Невы сыростью тянет, даже сквозь двойные рамы холод пробирается.

Вы видели вчера государя? Он танцевал с мадам Пушкиной два тура.

Глаз не сводит.

Стоит ей войти — государь забывает о послах.

ГЕККЕРН *(поддевает лорнетом обложку «Современника»).*

Весь дипломатический корпус только об этом и шепчется.

Прекрасная Натали… Она очаровательна.

Но наш придворный рифмоплёт совсем почернел от злости.

Мечется по гостиным, сверкает белками.

Скажите на милость, графиня, откуда на вашем столике эта типографская грязь?

Пахнет дешёвой сажей на весь салон.

ГРАФИНЯ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Мадам Карамзина прислала.

Наш африканский сочинитель вообразил себя просветителем нации. Издаёт этот плебейский журнал, собирает вокруг себя московских чудаков, учит двор русской истории!

Граф Уваров на днях на полном серьёзе твердил мне об «исконных началах» и «самобытности».

Боже мой, какая дикость!

Кислая капуста, крепостной торг да мужицкий бунт.

Если бы не голландские займы Карла и не прусский строй наших полков, сама мысль о русской самобытности давно бы сгнила в болоте.

А Пушкин мнит себя апостолом этой гнили!

ДАНТЕС *(со смешком стряхивает сигарный пепел прямо на титульный лист журнала).*

Мысль?

У дикаря с топором?

ГРАФИНЯ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Вот именно!

Потомок арапа смеет свысока глядеть на европейский салон!

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ *(не оборачиваясь от конторки)*.

Вы слишком много значения придаёте этому человеку, Луи.

ГЕККЕРН.

Его читают, граф.

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Читают многих.

ГЕККЕРН.

Не всех государь принимает без очереди, минуя канцелярию.

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ *(откладывает перо)*.

В этом вы правы. Этот господин опасен не стихами.

Он собирает вокруг себя русских.

Он роется в пугачёвщине, критикует министерство финансов и смеет подавать записки о народном просвещении прямо государю. Для империи это опасно.

Двору нужен покой.

ДАНТЕС *(со смешком бросает на журнал пикового туза)*.

Партия за нами, графиня!

Натали тяготится его угрюмой ревностью. С ним душно, а со мной она смеётся.

Весь Петербург видит: я провожаю её карету, я сижу у её ног во французском театре.

ГЕККЕРН.

Жорж, умерьте браваду. Прямой вызов сейчас смертельно опасен.

Пушкин бешен, а рука у него верная: в Кишинёве он с двенадцати шагов в муху попадал.

Выходить против него под открытый выстрел — чистое безумие.

ДАНТЕС.

Вы предлагаете мне отступить?

ГЕККЕРН *(понизив голос, почти ласково)*.

Я предлагаю вам выжить, Жорж. И довести партию до конца.

Против такого стрелка в одном сукне не выходят.

Потребуется время.

Свадьба с Катрин Гончаровой свяжет ему руки до зимы.

А к январю с курьером из Гааги прибудет моя личная вализа. Таможня её не вскрывает.

(Помолчав.)

Внутри будет вещь тонкой ковки. Под кавалергардским колетом ляжет как вторая кожа. Ни складки, ни следа. Свинец отскочит.

(Касается пальцем обложки «Современника».)

Не морщитесь, Жорж. Это не дуэль чести. Это приговор.

Мы ведь не с ревнивым мужем счёты сводим.

В Кишинёве он клялся на циркуле. Потом вымолил у царя прощение покаянной запиской.

А теперь вздумал напоминать русским, что у них есть своя история. Своё Отечество.

(Тихо.)

Братство такого не прощает.

ГРАФИНЯ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Что же вы предпримете, Луи?

ГЕККЕРН.

Невинную светскую шутку. Диплом.

Мы назначим Александра Пушкина коадъютором великого магистра Ордена рогоносцев.

ГРАФИНЯ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Великого магистра Нарышкина?

ГЕККЕРН.

Именно Дмитрия Нарышкина!

Того самого, чей родовой герб давно украшен монаршей милостью.

Весь Петербург поймёт с полуслова: если Пушкин — заместитель мужа царской любовницы, значит, его непорочная Натали — наложница государя!

А сам первый поэт — придворный сводник на казённом жалованье!

ГРАФИНЯ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Блестяще, Луи! От такого клейма не отмыться ни стихами, ни предками.

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Бумага должна быть иностранной.

Ни единого следа, ведущего к нашему посольству.

ГЕККЕРН.

Не беспокойтесь, граф.

Лионский велень.

Семь одинаковых конвертов по главным столичным адресам.

Отправим через городскую почту.

К утру эта петля затянется у него на шее.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Мойка, 12. Январь 1837 года. Гостиная в квартире Пушкина. За столом — Наталья Николаевна и её сестра Екатерина.

В дверях с чашкой чая небрежно стоит Дантес.

Входит Пушкин.

ДАНТЕС.

А, mon cher кузен! Присоединяйтесь к нашему чаю.

Мы с Катрин как раз вспоминали вчерашний вечер у графини.

Ваша супруга была ослепительна. Платье цвета лазури…

Я говорил Натали, что этот фасон ей к лицу.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА.

Жорж просто шутит, Александр.

Он всегда так мил в семейном кругу.

ПУШКИН.

Поручик. Вы венчались с девицей Гончаровой две недели назад.

Ваш дом — на Французской набережной.

Я запретил вам появляться в моих комнатах.

ДАНТЕС.

Полноте, кузен! Мы теперь одна семья.

Я навещаю сестру моей жены.

Неужели вы запретите родным видеться?

Натали, скажите вашему грозному супругу, что свет смеётся над подобной тиранией.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Александр… ради Бога… люди услышат…

ПУШКИН.

Вон.

ДАНТЕС.

Сударь…

ПУШКИН.

Вон из моего дома, господин поручик.

И передайте вашему названому отцу: его иезуитская комедия кончилась.

Ступайте, пока я не велел слугам спустить вас с лестницы.

ДАНТЕС.

Вы об этом пожалеете, камер-юнкер.

Дантес и Екатерина выходят.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

За что?..

За что вы мучаете меня?!

ПУШКИН.

Они пришли в мой дом.

Они топчут мой пол.

Они не оставили мне и десяти шагов.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Кабинет Пушкина на Мойке. 26 января 1837 года. Глухая ночь. Комната завалена книгами и историческими рукописями.

Пушкин пишет письмо.

ПУШКИН *(шепчет, быстро водя пером)*.

«Барон! Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорождённого или так называемого сына… Я не могу позволить, чтобы ваш сын после своего мерзкого поведения смел обращаться к моей жене, и ещё менее — чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность… Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль во всём этом деле была недостойна дворянина и представителя христианской державы…»

(Припечатывает сургуч. Долго смотрит на багровый оттиск перстня.)

Сургуч горячий, пальцы обжигает…

Всё. Мосты сожжены.

Больше никаких отсрочек.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Зимний дворец. Малый кабинет государя. 26 января. Вечер.

Николай I и Пушкин.

НИКОЛАЙ.

Вы снова прислали дерзкое письмо, Александр Сергеевич.

Геккерн принёс его мне.

Вы оскорбили посланника короля!

ПУШКИН.

Пасквиль вышел из посольства, ваше величество.

Меня оклеветали перед лицом всей столицы.

НИКОЛАЙ.

А вы думаете, я не знаю нравов барона Геккерна?

Для меня нет тайн в его доме.

Но за бароном стоит Гаага. Дом Оранских. Моя родная сестра Анна!

У меня армия на Кавказе, Александр Сергеевич. Мне нужны амстердамские банки, а не семейная свара на всю Европу.

Я не стану рвать с королевским домом из-за двух гнусных листков.

ПУШКИН.

Значит, русский дворянин беззащитен перед иностранцем?

НИКОЛАЙ.

Вас защищает государь.

Дело было улажено женитьбой поручика.

Свет был удовлетворён.

Зачем вы снова ломаете порядок?!

ПУШКИН.

Свадьба была ширмой, ваше величество.

Они глумились надо мной в моём собственном доме.

НИКОЛАЙ.

Помните: обнажите оружие — предстанете перед военным судом.

Я разжалую вас в рядовые.

Ступайте.

ПУШКИН *(склоняет голову, глухо)*.

Воля ваша, государь. Но бесчестья я детям не оставлю.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мойка, 12. 27 января 1837 года. Первый час дня. Прихожая перед кабинетом. На столике — стопка смятых лавочных счетов под пресс-папье, холодная жестяная кружка. За дверью детской то затихает, то снова заходится плач младенца. Со двора доносится глухой скрип санных полозьев.

Пушкин застёгивает тёмный сюртук.

Входит Наталья Николаевна, кутаясь в пуховую шаль.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА *(останавливается у косяка двери)*.

Опять парадную настежь распахнули… С лестницы ледяным паром тянет, в детской рамы промёрзли до середины.

(Тихо, не глядя в глаза.)

Вы уходите, Александр Сергеевич? В такой мороз? К обеду не ждать?

ПУШКИН.

Не жди, Натали.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Маша всю ночь металась, горячая, зубки режутся. Только к утру забылась…

А тут снизу опять стучат.

Лавочник приказчика прислал.

Масло, крупу, свечи — всё отказали в долг. Даже дров на кухню не дают.

Хозяйка по лестнице ходит, слугам выговаривает, грозит полицией к вечеру.

(Голос её начинает дрожать от бессилия.)

Александр… Ну скажите мне, за что?

Зачем вы со всеми воюете? Зачем ходите по углам — чужой, угрюмый, с кулаками сжатыми? Ищете врагов там, где люди просто живут и улыбаются?

ПУШКИН *(не оборачиваясь)*.

Оскорбления наносят имени, Натали. Не мне — имени.

А это имя носят четверо наших детей.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА *(в отчаянии всплёскивает руками)*.

Опять имя! Опять Жорж!

Боже мой, да вы сами выдумали этот ад, сами раздули сплетню и выставили нас на посмешище всему городу!

Он мальчишка, он балагур, он говорит пустое — то, что болтают во всех гостиных от скуки!

С ним легко было посмеяться, понимаете?

Просто забыть хоть на полчаса этот чад, эти долги, эти бесконечные векселя!

А в этом доме… здесь же воздуха нет.

С каждым днём всё чернее и теснее.

ПУШКИН *(медленно поворачивается к ней; взгляд тяжёлый, неподвижный)*.

С ним, значит, легко…

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Да! Потому что он не ждёт от меня того, чего я дать не могу!

Он видит во мне просто женщину, а не памятник вашему роду!

ПУШКИН *(очень тихо)*.

А чего ты дать не можешь, Натали?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА *(прислоняется виском к холодному косяку; из глаз текут слёзы)*.

Покоя, Александр…

Обыкновенного покоя, которого в этом доме никогда не было.

Я устала вздрагивать от каждого стука в прихожей!

Каждую ночь лежу и жду: арестуют вас завтра или принесут с очередной дуэли?

(Судорожно сжимает край шали.)

Нам ведь с самого венчания у Никитских ворот покоя нет — как упал тогда крест с аналоя, как погасла свеча, так у меня сердце и оборвалось…

Вы повели меня к венцу совсем ребёнком и бросили в этот омут: двор ждёт балов, свет ищет скандала, а я одна посреди этого холода, и дети плачут…

Мне не нужно вашего величия, Александр!

Мне нужно, чтобы вы домой вернулись!

Со двора доносится хриплый окрик извозчика: «Эй, барин! Лошади стынут!»

ПУШКИН *(долго смотрит на неё, затем молча делает шаг и касается пальцами её виска)*.

Ничего, Таша.

Теперь — уже ничего.

Ты ни в чём не виновата.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА *(вздрагивает от прикосновения, растерянно моргает сквозь слёзы)*.

Александр?..

(Смотрит на него с внезапным испугом.)

Наденьте шубу. Слышите, как в трубе воет? Метель закручивает, на дворе лютая стужа…

(Пушкин молча снимает с вешалки тяжёлую медвежью шубу, надевает цилиндр и выходит вниз по лестнице, не оглянувшись.)

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Кондитерская Вольфа и Беранже. 27 января 1837 года. Четвёртый час дня. Невский проспект. За столиком — Пушкин и Данзас.

Перед Пушкиным — стакан с ледяной водой.

На соседнем стуле лежит продолговатый дубовый ящик.

ДАНЗАС.

Александр Сергеевич, выпейте хоть чаю горячего, согрейтесь. А вы всё лёд в стакане мешаете, ложка звенит.

Ещё есть двадцать минут.

Если отправить нарочного сей же час — дуэль можно отложить.
Д’Аршиак готов к переговорам…

ПУШКИН.

Условия подписаны вами, Константин.
Менять их я не стану.

ДАНЗАС.

Но помилуйте! Десять шагов! Это же убийство!
Воинский артикул Петра Великого — каземат, лишение дворянства!

ПУШКИН.

Каземат — для живых.

ДАНЗАС.

Дантес — меткий стрелок.

ПУШКИН.

Вы думаете, это Дантес, Константин?
Дантес только спускает курок. Он не сам сюда пришёл.

ДАНЗАС.

А кто же его привёл?

ПУШКИН.

Те, кому стало тесно со мной в одном городе.
Дипломы на иностранной бумаге, шёпот в салоне Нессельроде, чужие руки за спиной поручика…
Кольцо сжималось давно, а государь предпочёл не замечать.
Мне оставили десять шагов, Константин.
Единственное место в империи, где между мной и ними не встанет канцелярия.

Достаёт карманные часы; на мраморный столик выпадает и скользит старая карта — пиковый туз.

ДАНЗАС.

Дурной знак, Александр Сергеевич.
Пиковый туз.
Чёрная масть.
Отложим.

ПУШКИН.

Поздно, Константин. Игра открыта.
Туз бьёт шестёрку — или сам…

(Сухой щелчок крышки часов.)

Пора ехать.

ДАНЗАС.

Ветер в стёкла бьёт, закручивает.

Сани у крыльца. Метель поднимается.

ПУШКИН.

Хорошая погода.

Пойдёмте, Константин Карлович.

Нехорошо заставлять кавалергарда мёрзнуть на ветру.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Кабинет Бенкендорфа у Цепного моста. 27 января 1837 года. Около половины четвёртого дня.

Бенкендорф за массивным дубовым столом.

Входит генерал Дубельт с бумагой.

ДУБЕЛЬТ.

Александр Христофорович.

Срочное донесение с Невского.

Камер-юнкер Пушкин только что вышел от Вольфа и выехал в санях с подполковником Данзасом на Выборгский тракт.

БЕНКЕНДОРФ.

С кем стреляется?

ДУБЕЛЬТ.

С поручиком Геккерном.

Д’Аршиак вывез дуэльные пистолеты Лепажа.

Место определено точно: Комендантская дача у Чёрной речки.

Время — пятый час пополудни.

БЕНКЕНДОРФ.

Государь приказал дуэли не допускать.

Ни под каким видом.

ДУБЕЛЬТ.

Эскадрон жандармов готов к седлу, ваше сиятельство.

Ехать двадцать минут.

Успеваем перехватить у заставы.

БЕНКЕНДОРФ *(откладывает перо, смотрит на напольные часы).*

Пошлите разъезд, Леонтий Васильевич.

Немедленно.
В Екатерингоф.

ДУБЕЛЬТ.
Куда?.. Ваше сиятельство, стреляются на Чёрной речке.
За Выборгской стороной.
Екатерингоф — на противоположном конце города!

БЕНКЕНДОРФ.
Вы туги на ухо, генерал?
По агентурным сведениям, дуэль назначена в парке Екатерингофа.
Скачите туда.
Обыщите все аллеи. Тщательно обыщите.
До самых сумерек.

ДУБЕЛЬТ *(после короткого оцепенения вытягивается во фрунт).*
Слушаюсь. В Екатерингоф.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Чёрная речка. Около пяти часов вечера. Сумерки. Поляна, занесённая глубоким снегом. Барьеры — две шинели на десяти шагах.
Дантес — в плотно застёгнутом кавалергардском вицмундире.
Пушкин — в тонком чёрном сюртуке без шубы.

ДАНЗАС.
Ветер в поле злой, позёмка сапоги засыпает.
Сходитесь!

Пушкин делает четыре шага к барьеру, поднимает пистолет.
Дантес, не доходя шага до своего барьера, стреляет навскидку.
Грохот выстрела, клубы порохового дыма.
Пушкин падает ничком на шинель в снег.

ДАНЗАС *(бросается к нему).*
Ранен?!

ПУШКИН *(уткнувшись лицом в снег, глухо).*
Кажется, бедро… ранен… больно…

ДАНТЕС *(делает шаг к саням).*
Полагаю, дуэль окончена?

ПУШКИН *(приподнимаясь на локте)*.

Погодите!

У меня ещё есть сила сделать выстрел!

Дантес возвращается к барьеру, поворачивается боком, заслоняя грудь рукой. Данзас подаёт Пушкину запасной пистолет.

Пушкин долго целится Дантесу точно в грудь.

Гремит второй выстрел.

Раздаётся сухой, отчётливый звон.

Дантес вскрикивает, оседает в сугроб, хватаясь за предплечье и прижимая локоть к рёбрам.

ПУШКИН *(в глазах вспышка торжества)*.

Браво!..

(Бессильно падает лицом в окровавленный снег.)

Дантес уже на ногах; д'Аршиак накидывает ему на плечи шинель. Он бледен как смерть, губы дрожат, но он держится прямо, прижимая окровавленный платок к руке.

ДАНЗАС *(подбегает к Дантесу)*.

Вы живы?! Куда попала пуля?

ДАНТЕС.

В руку… Навылет.

ДАНЗАС *(хватает его за борт мундира, всматриваясь в пробитую ткань на груди)*.

Поручик…

Сукно у самых рёбер пробито насквозь, а крови нет.

И этот звон…

Что у вас под колетом?!

ДАНТЕС *(лихорадочно запахивает шинель под горло, отводя взгляд)*.

Пустяки.

Пуля сбила пуговицу.

Счастливая случайность.

ДАНЗАС *(медленно отступая, с ледяным презрением)*.

Пуговицу?..

С десяти шагов из крупнокалиберного Лепажа — со звоном отлетает пуговица?

ДАНТЕС.

Дуэль окончена, господин подполковник!

Увозите вашего поэта.

Д'Аршиак, велите подавать!

Француз уводит Дантеса. Данзас опускается на колени перед Пушкиным.

ЭПИЛОГ

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Зимний дворец. Малый кабинет государя. Конец января 1837 года. Глухая ночь. На полу — полицейские донесения.

Николай I в расстёгнутом сюртуке мерно шагает по комнате.

У дверей навытяжку стоит граф Нессельроде с сафьяновой папкой.

НИКОЛАЙ.

Выслать!

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Ваше величество?

НИКОЛАЙ.

Барона ван Геккерна выслать из России в двадцать четыре часа!

Без права возвращения!

В прощальной аудиенции отказать.

Паспорта вручить через полицию, как бродяге!

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Государь, отказ посланнику — нарушение регламента.

Гаага сочтёт это за оскорбление.

НИКОЛАЙ.

Мне нет дела до регламента! Этот развратник и сводник превратил свой дом в содом со своим приёмышем, а посольство — в притон.

Он разносил клевету моим сановникам, разрушил дворянский дом.

Вон из столицы!

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Монаршая воля будет исполнена.

Но последствия падут на казну.

НИКОЛАЙ.

О какой казне вы смеете говорить, Карл Васильевич?! Поэт убит! Первый поэт России!

Василий Андреевич Жуковский только что передал мне последние слова умирающего: «Передайте Государю: жив буду — весь его буду, без остатка… И желаю ему и сыну его счастья в его России».

(Глухо ударяет кулаком по конторке.)

Десять лет назад, в Кремле, я вышел к придворным и сказал: «Сегодня я говорил с самым умным человеком в России».

Он видел дальше нас. На века вперёд. А мы всё считали займы да векселя.

А теперь на Мойке тысячи людей. У гроба плачут офицеры, студенты…

(Собирает листы в одну стопку; выравнивает края*.)*

И смотрят на меня.

Как на палача.

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Публика пошумит и забудет, государь.

Через две недели начнётся масленица. А займы нужны сегодня.

Амстердам держит треть наших займов.

Начнём дипломатический спор — лондонские банки поднимут проценты.

Армия на Кавказе требует пороха, ваше величество.

А порох покупается на голландское золото.

Я берегу государство от потрясений.

Поручик Дантес предан суду. Будет разжалован в рядовые и выслан под конвоем.

Виновный наказан. Дело закрыто.

НИКОЛАЙ *(подходит к вице-канцлеру вплотную; глухо)*.

Дело закрыто?

Вы лжёте, Карл Васильевич!

Вы полагаете, я не знаю, что поручик был только чужим орудием?

Мне докладывали и про лионскую бумагу, и про то, в чьих гостиных смеялись над пасквилями за неделю до вызова.

Я знаю, кто убил Пушкина.

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ *(не опускает глаз; лицо — застывшая маска)*.

В следственном деле нет ни одной улики против чинов министерства или посланников, ваше величество. Одни светские толки.

Если государю угодно дать ход слухам — Сенат ждёт высочайшего манифеста.

Но европейские дворы и биржи не поймут процесса без доказательств.

Николай тяжело переводит дыхание. Смотрит в непроницаемое лицо министра, на папки с гербами — и медленно отступает к окну.

НИКОЛАЙ *(глухо)*.

Долги Пушкина… оплатить из сумм кабинета.

Вдове и детям назначить пансион.

Сыновей записать в пажи.

Сочинения издать за казённый кошт.

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Монаршее великодушие.

История почтит благодетеля.

(Приоткрывает папку.)

И последнее, государь.
Бенкендорф просил доложить.
По столичным полкам и в университете разошёлся список.
Стихи на кончину Пушкина.

НИКОЛАЙ.
Опять рифмы?

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ.
Дерзость неслыханная, ваше величество:
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Заканчивается угрозой бунта и судом Божиим.

НИКОЛАЙ.
Кто сочинитель?

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ.
Лейб-гвардии Гусарского полка корнет Лермонтов.

НИКОЛАЙ.
Арестовать.
Лишить гвардейского мундира.
Перевести прапорщиком в драгунский полк на Кавказ.
Под чеченские пули.
Под начало барона Розена.

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ.
Слушаюсь, государь.

Нессельроде выходит. Дверь закрывается.
Николай I стоит один посреди тёмного кабинета. Подходит к конторке, достаёт из нижнего ящика пожелтевший пакет с надписью: «Следственное дело полковника Пестеля».
Вынимает из него измятую карту — скомканного пикового туза.
Бросает её в камин.

НИКОЛАЙ *(глядя в очаг, глухо)*.
Одной картой меньше… А игра не кончена.

На углях вспыхивает и скручивается в пепел чёрный пиковый туз. Медленно гаснет свет. В темноте остаётся лишь высокий силуэт царя у окна.

ЗАНАВЕС